

КИРИЛЛ КОЖУРИН

**Культура русского
старообрядчества XVII—
XX вв.**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

Кирилл Яковлевич Кожурин
Культура русского
старообрядчества XVII—XX вв.
Издание второе, дополненное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19148407

ISBN 9785447492069

Аннотация

Книга знакомит читателя с одним из «белых пятен» русской истории – культурой русского старообрядчества, этого сложного религиозного и социокультурного явления, на протяжении трех с половиной веков являвшегося весьма влиятельным фактором русской истории и культуры. В книге анализируются основные достижения старообрядческой книжности, иконописи, архитектуры, музыкальной культуры, традиции духовного образования и меценатства.

Содержание

Введение	5
Глава первая. Основные вехи истории старообрядчества	12
1.1. Никоновская «реформация» и начало разделения Русской Церкви	12
1.2. Старообрядчество в «век Просвещения»	32
1.3. Русское старообрядчество в XIX веке	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Культура русского
старообрядчества
XVII—XX вв.**

**Издание второе,
дополненное**

Кирилл Кожурин

© Кирилл Кожурин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Церковная реформа патриарха Никона, начавшаяся в 1653 году, в конечном итоге привела к трагическому расколу русского общества на два лагеря: тех, кто вольно или невольно принял новшества, и тех, кто не пожелал их принять. В дальнейшем, в царствование Петра I, религиозный раскол был углублен за счет раскола культурного. Не желавшие изменять вере своих предков, десятки, сотни тысяч русских людей (по подсчетам историков, от четверти до трети населения Русского государства!) были названы невеждами, причислены к преступникам против церкви и против государства и обречены на церковное и царское наказание. Спасаясь от преследований, староверы устремились в непроходимые леса, на окраины государства, за его рубежи, бежали во все концы необъятной Руси: на Дон, в Сибирь, Керженец, Стародубье, Прибалтику, где основывали целые поселения, бежали в Польшу и Швецию, Пруссию и Турцию. Сегодня староверческие общины можно встретить в Австралии и Бразилии, в Бразилии и на Аляске. Хранители «древлего благочестия» бросали все, кроме икон и старопечатных книг, и на новом месте, куда их кидала судьба, бережно, буквально по крупичкам, возрождали Древнюю Русь.

Древнерусский человек жил в атмосфере религиозности, монастырский уклад жизни был принят в каждой благоче-

стивой семье. Часы отсчитывали по церковным службам: заутреня, обедня, вечерня, павечерница. Свободное время посвящали молитве или чтению духовных книг – Житий святых, Прологов, Златоустов, Цветников и Маргаритов. Грамоте учились по Часовнику и Псалтырю. Идеалом древнерусского человека были подвиги аскетов-пустынников, с житиями которых он знакомился по Прологам и Патерикам. На старости лет, выполнив свои мирские обязанности и вырастив детей, многие принимали иноческий постриг. Не были исключением и лица знатные, в том числе даже члены царского дома.

С никоновскими реформами, непосредственно подготовившими дорогу последующим преобразованиям Петра I, жизнь русского человека сильно изменилась. Началась десакрализация культуры, десакрализация жизни. Под воздействием западной культуры происходит обособление культуры от церкви (секуляризация, обмирщение), превращение ее в автономную область. Это повлекло за собой расслоение русского общества. Если раньше русское общество (при всех различиях в социальном положении) в культурно-религиозном отношении было однородным, то западное влияние, по словам историка В. О. Ключевского, разрушило эту «нравственную цельность русского общества... Как трескается стекло, неравномерно нагреваемое в разных своих частях, так и русское общество, не одинаково проникаясь за-

падными влияниями, расколосось»¹.

Со времен раскола и последовавших за ним петровских преобразований в России существовало две культуры: светская – прозападно ориентированная, укоренившаяся в центре культурной и общественной жизни, и религиозная – ориентированная национально, которая ушла на периферию национально-исторического развития. Когда говорят о русской культуре XVIII—XX веков, то подразумевают преимущественно первую культуру, лишь вскользь или вообще не упоминая о второй. Однако, оказавшись на периферии магистрального развития русской культуры, та часть русского народа, которая не приняла ни никоновских, ни петровских реформ и получила у историков название «старообрядцев», а у своих гонителей – презрительную кличку «раскольников», все же сумела сохранить прежний духовный идеал, вдохновлявший наших предков со времен Крещения Руси, и пронести его сквозь века до начала третьего тысячелетия. При этом нужно отметить, что две культуры, несмотря на резкое расхождение между ними, никогда не были абсолютно изолированы друг от друга, и мы имеем многочисленные примеры их взаимовлияния.

Старообрядчество всегда оставалось хранителем традиционных православных духовных ценностей: соборности, личности, общинности, общественного блага. Сумевшее сохранить национальное самосознание русского народа в эпо-

¹ Ключевский В. О. Сочинения в 8 тт. М., 1957. Т. 3. С. 361—362.

ху коренной ломки русской жизни и культуры в конце XVII – начале XVIII вв., староверие одновременно принесло с собой в русскую духовную культуру и ряд новых черт. Прежде всего, это учение о личной ответственности православно-го христианина в миру и церковной жизни, новая система духовных ценностей, санкционировавших проявление индивидуальности в человеке. Однако здесь не было протестантского отказа от прежних традиций, который на Западе, как известно, привел к принятию антихристианских ценностей и развитию буржуазной культуры. Наоборот, хранители «древлего благочестия», опираясь на святоотеческую традицию, сумели увидеть то главное, что было изначально заложено в христианстве: новую антропологию, понимаемую как христология. Они сумели не только сохранить старое, не только исполнить Закон, но и наполнить его новым смыслом, а точнее – раскрыть этот смысл. Этот факт лишний раз доказывает известную максиму: лишь опираясь на старое, можно создать что-либо новое.

Сегодня, когда российское общество в очередной раз находится на перепутье, а вокруг не смолкают споры о моделях экономического, политического и социального развития страны, становится очевидным, что многие наши современные проблемы своими корнями уходят в церковный раскол XVII века. Многие уже не отрицают того факта, что у каждой цивилизации свой самобытный путь. Каков же путь России? С одной стороны, в современном мире становится все бо-

лее ясной невозможность культурной изоляции, существования русской цивилизации вне остального мира, а с другой – не менее очевидна и невозможность полного растворения в современной стандартизированной культуре. Культура старообрядчества интересна для нас, людей XXI столетия, не просто как осколок прошлого, «живой остаток древней русской культуры, сохранивший ее замечательные достоинства» (Д. С. Лихачев), но и как возможный путь развития русской культуры в будущем. Не следует забывать, что история старообрядчества – это альтернативная история, развивавшаяся параллельно с процессами вестернизации в России.

В русском старообрядчестве в силу ряда исторических причин парадоксальным образом соединились принципиальный традиционализм и постоянная необходимость прибегать для его осуществления к разнообразным новациям. Как отмечает современная исследовательница, «именно эта исторически обоснованная подвижность блистательно осуществилась в многочисленных технических открытиях, в прогрессивности промышленной и финансовой деятельности сотен широко известных как в центре, так и почти во всех окраинах России старообрядческих торгово-промышленных родов и семей»². И в этом плане русское старообрядчество, на наш взгляд, требует более пристального

² Поздеева И. В. Личность и община в истории русского старообрядчества // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 6—7.

внимания к себе.

Предлагаемая читателю книга состоит из двух глав: в первой главе вкратце излагается история старообрядчества после раскола, а во второй рассматриваются основные достижения старообрядческой культуры и вклад староверов в общенациональную культуру. Мы сочли необходимым дать краткий исторический очерк в силу ряда причин. Изучение старообрядчества и его роли в духовной культуре России в синодальный период вплоть до революции 1905 г. по идеологическим причинам было затруднено. Сама тема, как со стороны церковно-правительственных идеологов, так и со стороны революционно настроенной оппозиции, освещалась достаточно тенденциозно. Не хватало объективности в анализе этого явления. В так называемое золотое десятилетие старообрядчества (1905—1917), начавшееся с изданного царем Николаем II 17 апреля 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости», была предоставлена возможность открыто заговорить о себе самим старообрядцам: появился ряд весьма ценных исследований на данную тему (работы Л. Ф. Пичугина, Т. С. Тулупова, Ф. Е. Мельникова, В. Г. Сенатова, И. А. Кириллова и др.). После революции 1917 г. в отечественной историографии старообрядчества возобладали иные тенденции. Теперь старообрядчество стали рассматривать сквозь призму новой идеологии, насильственно пытаясь втиснуть многие исторические факты в готовые идеологические схемы. При этом одни какие-то сторо-

ны старообрядчества замалчивались, другие – наоборот, выпячивались. И лишь в недавнее время начали складываться предпосылки для более или менее спокойного и объективного анализа данного явления.

Но, к сожалению, и в ряде новых изданий часто можно встретить бездумно употребляемые штампы, заимствованные из дореволюционной и советской историографии, некритический перепев чужих мнений и оценок. Эти мнения и оценки кочуют из книги в книгу и продолжают умножать то облако лжи, которое сознательно создавалось вокруг старообрядцев их оппонентами. Одной из задач данной книги является максимально объективное рассмотрение такого сложного явления русской духовной культуры, как старообрядчество, и ознакомление с его основными достижениями.

Глава первая. Основные вехи истории старообрядчества

1.1. Никоновская «реформация» и начало разделения Русской Церкви

В 1652 году патриархом Московским и всея Руси стал Новгородский митрополит Никон (Никита Минов), который при поддержке царя Алексея Михайловича принялся за активное реформирование Русской Церкви. В чем заключалась суть никоновской (а в действительности алексеевской, поскольку главным инициатором был царь и его ближайшее окружение) «реформации»³? Формальным поводом явилось исправление якобы неисправных богослужебных книг. Реформаторы утверждали, что со времени принятия христианства при князе Владимире в богослужебные книги по вине переписчиков вкралось такое множество ошибок, что необходима серьезная правка. Эта мысль явилась из сличения

³ Мы употребляем слово «реформация», а не просто «реформы», поскольку речь шла именно о нововведениях и радикальном переустройстве всей Русской православной церкви, а не просто о каких-то маловажных «исправлениях». И в этом смысле реформация, начатая Никоном, и ее результаты имеют ряд близких параллелей с протестантским движением Реформации в Европе.

оригиналов и переводов. Но что в данном случае принималось за оригинал? Историки убедительно доказали, что оригиналом служили новые богослужебные греческие книги, напечатанные в иезуитских типографиях в Венеции! (Греки тогда находились под игом турок-османов и собственных типографий не имели.) Помимо того, что за шесть с лишним веков, прошедших со времени Крещения Руси, греки, заразившись духом католицизма, сами существенно изменили чинопоследования некоторых служб, к этим изменениям добавлялись еще сознательные догматические искажения, внесенные хозяевами типографий – иезуитами. «Трагедия расколоторческой реформы, – пишет современный исследователь старообрядчества М. О. Шахов, – в том и состояла, что была предпринята попытка „править прямое по кривому“, провозгласив содержавшие погрешности формы религиозного культа позднейшего времени древнейшими, единственно верными и единственно возможными, а всякое отклонение от них – злом и ересью, подлежащей насильственному уничтожению»⁴.

Со временем стало ясно, что Никон хочет не просто исправления каких-то погрешностей переписчиков, а изменения всех старых русских церковных чинов и обрядов в соответствии с новыми греческими. И действительно, изменений было множество. Перечислим лишь некоторые, наибо-

⁴ Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2002. С. 87.

лее важные с точки зрения православного вероучения:

1. Древняя, унаследованная еще от византийцев, форма перстосложения при крестном знамении (двоперстие) была заменена на троеперстие. В толковании двоперстного крестного знамения два протянутых перста означают две природы Христа (Божественную и человеческую), а три (пятый, четвертый и первый), сложенные у ладони, означают Троицу. Введя троеперстие (означающее одну Троицу, в то время как два оставшихся пальца оставались, по новому толкованию, «праздными», т. е. ничего не обозначали), Никон не только пренебрегал догматом о Богочеловечестве Христа, но и вводил «богострастную» ересь (т. е., по сути, утверждал, что на кресте страдала не только человеческая природа Христа, а вся Троица).

2. Трисоставный восьмиконечный крест, который издревле на Руси был главным символом православия, был заменен двусоставным четырехконечным, ассоциировавшимся в сознании православных людей с католическим учением и испокон веков называвшимся на Руси «латинским крестом». После начала реформы восьмиконечный крест был назван «брынским» или «раскольническим» и изгонялся из церкви.

3. Молитвенный возглас – ангельская песнь «аллилуйя» – стал четвериться у никониан, поскольку они поют трижды «аллилуйя» и четвертое, равнозначное, «Слава Тебе, Боже». Тем самым нарушается священная троичность.

4. В исповедании православной веры – Символе веры, молитве, перечисляющей основные догматы христианства, из слов «в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго» изъято слово «истиннаго» и тем поставлена под сомнение истинность Третьего Лица Святой Троицы, из сочетания «рожденна, а не сотворенна» выброшен союз «а» – тот самый «аз», за который многие готовы были погибнуть. Исключение «а» могло мыслиться как выражение сомнения в нетварной природе Христа. Вместо прежнего утверждения «Его же царствию несть (т. е. нет) конца» введено «не будет конца», то есть бесконечность царствия Божия оказывается отнесенной к будущему и тем самым ограниченной во времени.

5. В иконовских книгах было изменено само написание имени Христа: вместо прежнего Исус было введено Иисус, причем единственно правильной была объявлена исключительно вторая форма, что возводилось новообрядческими богословами в догмат.

6. Во время крестных ходов, таинств крещения и венчания новообрядцы стали ходить против солнца, в то время как, согласно церковному преданию, это полагалось делать по солнцу (посолонь), вслед за Солнцем-Христом.

7. При крещении новообрядцы стали допускать и даже оправдывать обливание, вопреки апостольским постановлениям о необходимости крещения в три погружения (50-е правило св. Апостолов).

8. Литургию теперь стали служить на пяти просфорах,

утверждая, что иначе «не может быть существо тело и кровь Христовы» (по старым правилам служить следовало на семи просфорах).

9. Вместо древнего пения было введено новое итальянское, а новые иконы стали писать не по древним образцам, а по западным, отчего они стали более похожими на светские картины, чем на иконы. Все это способствовало культивированию в верующих нездоровой чувственности и экзальтации, ранее не свойственной православию.

10. Впоследствии новообрядцы уничтожили древнее каноническое церковное устройство и признали светскую власть главой церкви.

11. В новообрядческой церкви был отменен древний обычай избрания духовных лиц приходом. Его теперь заменили постановлением по назначению сверху и вдобавок светскими лицами.

Были и другие новшества, которые со временем все более умножались. Так, если в «Поморских ответах» (начало XVIII в.) перечисляется 58 статей, по которым реформированная новообрядческая церковь отличалась от древлеправославной, то к концу XVIII столетия в старообрядческом трактате «Щит веры» перечисляется уже 131 вид изменений! Новшества росли, словно снежный ком. При этом многие древние чинопоследования церковных таинств были существенно сокращены и изменены (чин крещения, покаяния, венчания, хиротоний), а некоторые древние чины

и вовсе упразднены (чин омовения трапезы, омовения святых мощей, причащения богоявленской водой, пострижения инокини, братотворения, чин «хотящему затвориться», чины пещного действия, начала индикта). Одновременно вводились новые, неизвестные православию чинопоследования, заимствованные из Требника митрополита Киевского Петра Могилы, образцом для которого, в свою очередь, служили католические требники.

Но самое главное – это изменение в *духе* Церкви. После Никона новообрядческая церковь утрачивает дух соборности, подпадает под власть государства и вынуждена прогибаться при каждой новой смене правительства, изменяя при этом и приспособлявая к новым веяниям свое учение – вплоть до наших дней. Наподобие католической церкви, новообрядческая церковь разделяется на «церковь учащую» и «церковь учимую». Согласно позднему богословию новообрядческой церкви, истинная церковь – это иерархия, епископы и священники, а народ – ничто в церкви, и его дело – беспрекословно подчиняться решениям иерархии, даже если они противоречат духу Христовой веры. Ни о какой выборности священства и епископата, как было в древней Церкви, и речи быть не может. Все это способствовало появлению в русском народе лжепослушания и лжесмирения. Далее появились и еще более отвратительные явления в жизни церкви: совершение таинств за деньги, нарушение тайны исповеди (что прямо предписывалось «главой церкви» – им-

ператором Петром I), совершение таинств над людьми неверующими, приходящими креститься и венчаться «по традиции» или «на всякий случай», коммерциализация и секуляризация церкви...

Чем же руководствовались Никон и стоявший за его спиной царь, предпринимая столь неслыханные по своему масштабу реформы? Что толкало их к столь решительному разрыву со всей прежней богослужебной традицией, освященной авторитетом многочисленных русских святых? Соображения, которыми руководствовались реформаторы, были исключительно политическими и к духовной жизни никакого отношения не имели. Перед прельщенными взорами царя и патриарха заманчиво блистал византийский венец. И Никон, и Алексей Михайлович грезили об освобождении Константинополя от турок и о византийском престоле. Льстивые восточные патриархи, регулярно приезжавшие в Россию за щедрой царской «милостыней», рисовали картины земного торжества православия, обещая царю восстание порабожденных греков и славян в ответ на объявление Россией войны турецкому султану. Русский царь должен был занять престол Константина Великого, а московский патриарх Никон – стать вселенским патриархом. Но для достижения территориального единства православных народов требовалась лишь одна незначительная «мелочь»... Сначала надо было прийти к единству обрядовому, поскольку русские обряды того времени сильно отличались от греческих.

Поразительно, но сценарий никоновских реформ мы находим еще в 1605 году! В тайной инструкции самозванцу Лжедмитрию I о том, как ввести унию с католиками в России, то есть, по сути, подчинить русских власти римского папы, иезуиты писали:

«д) Самому государю заговаривать об унии редко и осторожно, чтоб не от него началось дело, а пусть сами русские первые предложат о некоторых *неважных предметах веры* (курсив мой. – К.К.), требующих преобразования, и тем проложат путь к унии;

е) издать закон, чтобы в Церкви Русской *все подведено было под правила соборов отцов греческих*, и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии: возникнут споры, дойдут до государя, он назначит собор, а там можно будет приступить и к унии;

з) намекнуть черному духовенству о льготах, белому о наградах, народу о свободе, всем – о рабстве греков;

и) учредить семинарии, для чего призвать из-за границы людей ученых, хотя светских»⁵.

Нужно сказать, что политика иезуитов в царствование Алексея Михайловича увенчалась успехом. Россия была расчленена – если пока не физически, то духовно уж точно: Русская Церковь раскололась, причем та ее часть, которая приняла реформы и пользовалась поддержкой прави-

⁵ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. Т. 10. С. 93.

тельства, на столетия заразилась духом латинства, а впоследствии – и протестантизма, усвоив многие западные обычаи и догматы.

Но была и другая часть, получившая у историков название «старообрядцев». Что и говорить, название неточное, поскольку это название суживает понятие исключительно до внешних сторон религии, тем более что само слово «обряд» было введено уже в петровские времена. Но любая попытка дать определение тому духовному движению, которое противостояло реформаторам, будет нести на себе следы той или иной идеологической позиции. Так, например, вплоть до начала XX в. во всей литературе, издаваемой синодальной церковью, церковные и светские ученые для обозначения старообрядчества использовали термин «раскол», а старообрядцев называли «раскольниками». О старообрядцах говорили как об «отделившихся», «отколовшихся» от Русской Православной Церкви. Подобные же определения повторяются практически во всех современных религиозно-исследовательских исследованиях и справочных изданиях. Однако данные определения противоречат важнейшим положениям старообрядческой религиозной доктрины, согласно которой старообрядчество никогда не отделялось от Православной Церкви и, как ее часть, возникло в I в. н. э. вместе с основанием христианства. Гораздо корректнее определение, предлагаемое М. О. Шаховым: **«Старообрядчество (или староверие) – общее название русского право-**

славного духовенства и мирян, отказавшихся принять реформу, предпринятую в XVII в. патриархом Никоном, и стремящихся сохранить церковные установления и традиции древней Русской Православной Церкви»⁶.

Как бы то ни было, трещина в русском обществе XVII века, разделившая его на старообрядцев и новообрядцев, проходила гораздо глубже обрядовых различий, сколь бы ни были они важны для средневековой картины мира. Как отмечают современные авторы, «смысл раскола сосредотачивался вокруг реформ Никона, связанных с исправлением книг религиозного содержания и изменением некоторых обрядов. Однако эти конкретные факты, случись они раньше или позже, могли бы оказаться незамеченными. Значит, в них проявилось нечто большее, а именно, столкнулись две традиции в понимании веры и в видении церкви, а следовательно, две картины мира, которые культурному канону в его

⁶ Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение. С. 53. Основные достоинства этого определения налицо: во-первых, оно отражает идейную сущность старообрядчества как *религиозного* движения верующих, стремящихся исповедовать православие, сохранять верность его догматам и канонам; во-вторых, фиксируя отсутствие церковно-канонического единства старообрядчества с новообрядчеством, данное определение не затрагивает спорного вопроса о том, кто именно отделился от православной церкви – реформаторы или старообрядцы; наконец, в-третьих, отмечая наличие нескольких старообрядческих религиозных организаций, не признающих каноничности друг друга, это определение ограничивается констатацией их общего намерения сохранить церковные установления и традиции древней Русской православной церкви и не дает оценок успешности этих стремлений.

средневековом варианте удавалось примирять. То, что раскол имел такой общественный резонанс, означает, что на новом витке истории, когда не только государство, но и вся русская цивилизация переживала надлом, когда в этой цивилизации становится предельно активной личность, притягательной оказывается традиция в русском православии, являющаяся демократической (то есть старообрядчество. – К. К.). Если проводить параллели с XX веком, то, по сути дела, уже в XVII веке Россия переживала нечто, предвосхищающее революцию начала нашего столетия и последующую за ней гражданскую войну, сопровождавшуюся истреблением огромной массы соотечественников, изгнанием их в другие страны, переселением на другие территории»⁷.

После начала церковных реформ многие православные священники и простые верующие не согласились принять нововведения и отказались признавать законность новообрядческой иерархии. Упорство русских людей в сопротивлении реформам вызвало волну преследований и казней со стороны правительства и господствующей церкви. Первой жертвой пал епископ Коломенский Павел, единственный из архиереев не побоявшийся открыто выступить против властолюбивого и гордого патриарха и без соборного суда лишенный за это кафедры. На соборе 1654 года Никон собственноручно избил епископа Павла, сорвал с него ман-

⁷ Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 312.

тию и велел немедленно отправить в ссылку в далекий северный монастырь. Там епископ был подвергнут тяжелым мучениям, а затем, как гласит предание, заживо сожжен в срубе. Вслед за епископом Павлом в ссылки отправились и другие активные противники реформ – протопопы Иван Неронов, Аввакум, Логгин и Даниил.

Властолюбие и гордость Никона, стремившегося стать в православном мире тем же, кем в мире западном был римский папа, вскоре привели его к разрыву даже с поддерживавшим его царем Алексеем Михайловичем, и в 1658 г. он самовольно оставляет патриарший престол, бросая таким образом свою паству на произвол судьбы. Никон думал, что его будут упрашивать вернуться назад, но царю и его окружению он уже был не нужен. «Мавр сделал свое дело» – маховик реформы был запущен.

С устранением от церковных дел Никона ситуация в Русской Церкви не улучшилась. Новый собор 1666—1667 гг. с участием заезжих восточных патриархов, которые, как оказалось впоследствии, сами уже давно были низложены со своих престолов собором епископов и поэтому не имели никакого канонического права решать русские церковные дела, осудил и Никона, и старые обряды. Вся многовековая традиция русской святости была поругана и предана проклятиям. Чтобы заставить русский благочестивый народ принять новую веру и новые книги, собор, прозванный в народе «разбойничьим», благословлял подвергать ослушников

соборных определений тягчайшим мучениям: заточать их в тюрьмы, ссылать, бить говяжьими жилами, отрезать уши, носы, вырезать языки, отсекают руки. Мучения и казни совершались в различных частях Русского государства. Были замучены инок Авраамий (1672), боярыня Морозова, княгиня Евдокия Урусова, Мария Данилова (1675). В 1668 г. началась осада царскими войсками главной святыни Русского Севера – Соловецкого монастыря, закончившаяся в 1676 г. его взятием и жестокой расправой над непокорными монахами (противостояние Соловецкого монастыря церковным и светским властям продолжалось с 1658 по 1676 г.). Другие вожди староверия: протопопы Аввакум и Лазарь, дьякон Федор, инок Епифаний – были сосланы в далекий Пустозерск, находившийся за Полярным кругом, и там впоследствии сожжены.

Увлеченное «греческим проектом» правительство и покорные ему церковные иерархи жестоко преследовали людей старой веры: повсюду горели костры, людей сжигали сотнями и тысячами, резали языки, рубили головы, ломали клещами ребра, четверговали. Все те ужасы, которые были хорошо известны русскому человеку из житий святых мучеников, пострадавших во времена языческого Рима, теперь стали страшной явью.

«Определения собора 1666—1667 гг. были настолько ошеломляющими, в них было так много бессмыслия и безумия, что русский народ счел их за „дьявольское наважде-

ние“. Многие думали, что это временный туман, который должен скоро рассеяться»⁸. Однако этого «тумана» не смогла рассеять даже смерть 29 января 1676 г. (то есть через неделю после взятия Соловецкого монастыря) главного инициатора церковных реформ – царя Алексея Михайловича. Его наследник царь Федор Алексеевич (ум. 1682) продолжил политику отца. А в 1685 г. правившая в то время Россией царица Софья и патриарх Иоаким утвердили «12 статей о борьбе с расколом», получивших в истории название «драконовских». Согласно этим статьям, сторонники старой веры подлежали сыску и казни. От всех русских людей требовалось под угрозой сожжения в срубе веровать не так, как установила древняя Церковь, а как приказывает новое начальство. Суть новой веры хорошо выразил новообрядческий патриарх Иоаким: «Я не знаю ни старой, ни новой веры, но что велят начальницы, то я готов творить и слушать их во всем».

Духовенство и гражданское правительство беспощадно истребляли своих же родных братьев – русских людей. Пощады не было никому: убивали не только мужчин, но и женщин, и даже детей. Русские люди при этом являли необычайную силу духа, многие шли на смерть смело и решительно, подобно первым христианам. «Чудо! как то в познание не хотят прийти! – писал протопоп Аввакум. – Огнем да кну-

⁸ Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 97—98.

том, да виселицею хотят веру утвердить! Которое то апостолы научили так? – не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Татарский бог Магомет написал в своих книгах сице (так): непокоряющихся нашему преданию и закону повелеваем их главы мечом подклонить. А наш Христос ученикам Своим никогда так не повелел»⁹.

В прямой связи с резким обострением гонений в 80-е гг. XVII в. стоит и такая важная проблема в истории старообрядчества, как самосожжения. Церковные историки XIX в. видели в массовых самосожжениях склонность старообрядцев к самоистреблению и даже преступление против христианских заповедей, светские же историки все пытались свести к слепому фанатизму. Однако в свете выявленных в недавнее время архивных документов ситуация представляется совершенно иной. Самосожжения были шагом отчаяния, ведь старообрядцы поджигали свои избы только в безвыходной ситуации, когда их поселения были окружены воинской командой. Если же старообрядцы попадали в руки солдат и отказывались переменить свои убеждения, их не ожидало ничего иного, кроме смертной казни в том же горящем срубе.

В атмосфере жестоких гонений неизбежно возникал вопрос: как жить дальше? Многие ожидали конца света, пола-

⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 108.

гая, что уже наступили последние времена, видели в патриархе Никоне предсказанного в Библии антихриста. Необходимо было осознать происходящее и вынести оценку реформам с точки зрения православной традиции. Еще в 1656 г. в Поморье, в Куржецкой обители, состоялся собор, на котором было решено не принимать от новообрядцев никаких церковных таинств. Под решениями собора стоят подписи многих авторитетных церковных деятелей (в том числе нескольких епископов). 8 июля 1658 г. состоялся Соловецкий монастырский собор, который вынес решение: «Новых книг не принимать, по ним не служить и за отца архимандрита стоять...»

В дальнейшем страшные гонения, невозможность собираться вместе для выработки единого соборного мнения явились причиной разделения старообрядцев на толки, или согласия¹⁰. Особенно остро стоял вопрос о священни-

¹⁰ «Согласие, соглас – термин не строго определенного значения, подразумевающий крупное разделение старообрядчества по вероучительным признакам на беглопоповцев, поповцев, приемлющих белокриницкую иерархию, беспоповцев: поморцев, федосеевцев, филипповцев, нетовцев и т. п. Это наименование, хотя и принято всеми старообрядческими обществами, так как носит нейтральную, неоскорбительную окраску, тем не менее не соответствует статусу Церкви Христовой, каковой члены любой из деноминаций себя признают, поэтому каждое согласие имеет еще и самоназвание для официального, торжественного употребления. Более дробное разделение согласий зачастую называется толками; иногда эти слова воспринимаются как синонимы, а иногда согласиями называют мелкие подразделения внутри толков» (*Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря.* М., 1996. С. 264).

ках. После расправы над епископом Павлом Коломенским весь русский епископат, уstraшенный его участью, оказался на стороне реформаторов. Епископов-староверов не осталось, следовательно, новых священников рукополагать было уже некому, а старые постепенно умирали. Неизбежно возникал вопрос о дальнейшей судьбе Русской Церкви. Собственно, поиски ответа на этот вопрос привели к разделению в старообрядчестве. Часть ревнителей старой веры пришла к выводу, что с 1666 г. (эта дата была предсказана в авторитетной для старообрядцев «Книге о вере») в мире воцарился антихрист и настали последние времена, а как следствие этого – священство лишилось благодати и некоторые церковные таинства безвозвратно утрачены. Следовательно, исповедники православия должны бежать от мира, беречься его соблазнов и, сохраняя себя в чистоте и непоколебимой преданности старине, дожидаться Страшного Суда. Это мировосприятие стало основой общества староверов, не имеющих священства («беспоповцев»). Другая часть староверов, признавая, что с никоновской «реформации» официальная церковь отошла от истины, все же сочла возможным (после совершения соответствующего чина, «исправы») принимать от нее священнослужителей в сущем сане. Это направление условно стали называть «беглопоповским» (или просто «поповским»). Но еще примерно до середины XIX в. в некоторых старообрядческих согласиях была жива вера в то, что где-то существует истинное священство и сохрани-

лось православное царство – так появились легенды о Беловодье и о невидимом граде Китеже. Староверы различных согласий принимали участие в совместных соборах, обсуждавших проблемы поиска архиереев, и даже предпринимали экспедиции на Восток и Балканы. Эти поиски продолжались около 150 лет и не дали никаких результатов.

В результате разделений как по различным церковным вопросам, так и в силу внешних причин, в старообрядчестве образовалось несколько десятков согласий. Из беспоповцев наиболее влиятельными были *поморское* согласие, возникшее на севере России – в Поморье, и отделившееся от него *филипповское* согласие, названное по имени его основателя Филиппа, бывшего стрельца. В псковско-новгородских пределах возникло *феодосеевское* согласие, основанное Феодосием Васильевым. Последователи этих согласий были особенно непримиримо настроены по отношению к существующему строю и вели аскетическую жизнь. В керженских непроходимых лесах в конце XVII в. зародился *нетовский*, или, *спасовский* толк, проповедники которого учили, что раз в мире нет ни православного священства, ни таинств, ни благодати, то спасение можно получить только уповая на Спаса (Исуса Христа). Позже этот толк разбился на несколько согласий: *глухую нетовщину*, *поющую нетовщину*, *рябиновщину*, *самокрещенцев*, или *бабушкино согласие*, *дырников* и др. Известен также *бегунский*, или *страннический*, толк, основанный в конце XVIII в. беглым солдатом Евфимием, при-

зывавшим верующих ради спасения душ на «вечное странство». Евфимий выступал против императора, которого считал представителем царства антихриста, против частной собственности, против неравенства.

Из беглопоповцев со временем выделились *единоверческое, австрийское, или белокриницкое, согласия, беловодская и новозыбковская* иерархия. В XIX в. от беглопоповцев отошли *часовенные*, названные так потому, что из-за отсутствия священников грамотные уставщики-миряне вели у них богослужение, крестили, исповедовали и причащали верующих в часовнях. Тем самым они практически перешли на беспоповскую практику ведения церковной службы.

Однако между некоторыми из этих согласий и толков разница была настолько мала, что небольшие согласия при наступлении более благоприятных времен достаточно быстро сливались с крупными. Видный деятель староверия XX в. М. И. Чуванов писал по этому поводу: «Разделения в староверии еще существуют, но в литературе они раздуты до громадных размеров, благодаря писаниям миссионеров официальной церкви, старавшихся доказать упадок ревнителей древлего благочестия. За годы гонений и исповедания древлеправославной традиции выработался единый облик, схожий внешне и внутренне, тип христианина-старовера с общим взглядом на мир и на свое место в истории человечества. И это единство отразилось в литературном творчестве, в быту, в иконописании, в хозяйственной деятельно-

СТИ»¹¹.

¹¹ Чуванов М. И. Введение в историю Древлеправославной Староверческой Церкви // Древлеправославный месяцеслов на 2004 год: Настольная книга христианина для душеполезного чтения на каждый день с богослужбным уставом, святыми, домашними молитвами и пасхалией. М., 2004. С. 221.

1.2. Старообрядчество в «век Просвещения»

После того как Петр I (царь с 1682 г., самостоятельно правил с 1689 г.) провозгласил политику веротерпимости в государстве, положение старообрядцев несколько изменилось. Прекратились открытые гонения, и в истории старообрядчества начался новый период, который обычно характеризуют как период созидания, организации общежитийств, хозяйственной, религиозной и культурной жизни. Возникают такие духовные центры старообрядчества, как Стародубье, Ветка, Выговская поморская пустынь, Керженец, Невельское общежительство и др. Эти духовные центры сыграли неоценимую роль в сохранении традиций древнерусской культуры (подробнее мы поговорим о них во второй главе). Однако все эти центры существовали или на окраинах империи или вообще за границей.

И при Петре I старообрядцам приходилось нелегко. Оставались в силе прежние указы против сторонников старой веры, а в 1714 г. были изданы и новые, дополнительные. Правительство хотя формально признавало существование старообрядцев и соглашалось видеть в них граждан, но со значительными ограничениями: им разрешалось открыто жить в городах и селениях, но зато они облагались двойным налогом (если последователь новой веры платил в казну за се-

бя 5 рублей, то старовер должен был платить 10). Кроме того, взимали с каждого мужчины по 50 рублей в год за ношение бороды. Со староверов взыскивали пошлину и в пользу новообрядческого духовенства. Тем самым поборы с ревнителей древнего благочестия стали важной статьей доходов и для правительства, и для духовенства. При этом староверы не пользовались никакими правами: им воспрещалось занимать государственную или общественную должность, не признавалось их свидетельство на суде против новообрядцев, при браках с новообрядцами старообрядцев приказывали обращать в новую веру, а за брачное сожителство без венчания – предавать суду, детей же отбирать и крестить в господствующей церкви. Но этого было мало. Старообрядцев хотели выставить на посмешище, и им было приказано носить особую унижительную одежду (мужчинам – однорядку с лежачим ожерельем и сермяжные зипуны с нашитыми «kozyрями» красного сукна, а женщинам – шапки с рогами и тоже сермяжный зипун с красным козырем).

Однако, несмотря на такое тяжелое положение, старообрядцы не желали изменять вере своих предков, а популярность старообрядчества в русском народе только увеличивалась. Нужно отметить, что этой популярности способствовали и те серьезные изменения, которые в XVIII столетии произошли в самой господствующей церкви. Реформы Петра I, направленные на вестернизацию России, захватили и церковь. После смерти патриарха Адриана патриаршество было

упразднено. По словам князя Е. Трубецкого, «церковь была в буквальном и техническом смысле обезглавлена». Вместо патриаршества и церковных соборов в 1721 г. вводилось коллегиальное управление под латинским названием «Коллегиум духовное», впоследствии переименованное в «Святейший Синод», возглавляемый обер-прокурором – своего рода министром над церковью, назначавшимся из числа светских лиц. «Здесь видна противоположность идеалов Петра как выразителя новой светской культуры и старообрядцев как носителей старой религиозной культуры. Если идеалом протопопа Аввакума было сакрализованное государство, то идеалом Петра – секуляризованная Церковь, служащая государству»¹².

На Западе уже с эпохи Возрождения культура лишь по имени была христианской, по сути же носила чисто светский характер. Это была культура расцерковленная, которая считала себя единственной культурой. Все, что находилось вне ее, в том числе и культура церковная, вообще не считалось культурой. Так, было принято считать, что церковь исключает культуру. Начиная с Петра, эти мнения все более широко внедряются и в России. «Просвещенное» общество, в основном дворянство, реформированное Петром по своему вкусу, отрывается от церкви и от народа, отрывается от своего прошлого и от своей истории. «Пышный, мечтательный и смутный век „просвещения“ мог терпеть веру

¹² Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 1997. С. 499.

только „рационализированную“, которую и несла расцерковленная „христианская“ культура. В свете ее Церковь начинает представляться инородным и даже враждебным культуре телом, рассадником суеверий и тьмы, с которыми борются государство и просвещенное общество»¹³. С другой стороны, оказывалось всяческое покровительство представителям иноплеменных конфессий (взять хотя бы Невский проспект в Петербурге – каких здесь только не было построено храмов!). Под особым и преимущественным покровительством государственной власти и законов оказывается протестантизм, по образцу которого была проведена петровская «реформация».

Вторично реформированная Петром господствующая церковь решила начать миссионерскую деятельность по обращению старообрядцев в официальную религию. Миссионеры начинали видеть в старообрядцах серьезных конкурентов. Уже с начала XVIII в. разгорается полемика господствующей церкви со старообрядцами, активизировавшаяся после учреждения Синода. Эта полемика позволила старообрядцам начать систематический сбор церковно-археологических свидетельств в защиту старой веры. Результатом этой деятельности явились такие фундаментальные полемико-догматические трактаты, как «Дьяконовы ответы» на 130 вопросов Нижегородского архиепископа Питирима (1719) и «Поморские ответы» на 106 вопросов синодального

¹³ Там же. С. 509.

миссионера Неофита (1723).

Старообрядческий вопрос с начала XVIII в. держался под постоянным контролем правительства. Как отмечает современная исследовательница, «не будет преувеличением сказать, что внешняя история старообрядчества напрямую зависела от политики правительства. Какой бы старообрядческий центр мы ни взяли, его история будет определяться не его собственной внутренней эволюцией, а исключительно характером правительственных постановлений»¹⁴.

От политики правительства зависело и социальное положение отдельных старообрядцев в Российской империи. Лишенные возможности занимать государственные должности, старообрядцы в массе своей оставались крестьянами и большее, на что могли рассчитывать «выбившиеся в люди» – это запись в купеческое сословие. Так возник феномен старообрядческих купцов-«миллионщиков». Но наличие многомиллионных капиталов все же не решало вопроса. Для купечества гражданские и имущественные вопросы были крайне важны, и потому оно особенно остро ощущало свое бесправное положение. Давление государства заставляло купцов переходить из наиболее притесняемого беспоповского согласия в поповское, а впоследствии – в единоверие или прямо в господствующую церковь.

¹⁴ Юхименко Е. М. Правительственная политика «борьбы с расколом» и история старообрядческого движения XVII – начала XX вв. // Старообрядчество: История, культура, современность. Выпуск 9. М., 2002. С. 4.

В 1723 году Синод издал указ о запрещении «раскольникам строить скитов себе и пустыnek». Усердные епископы начали разорять старообрядческие скиты. Следствием явилась новая волна самосожжений, прокатившаяся по всей России. Обыкновенно самосожжение происходило так. Узнав о том, что правительство открыло их местожительство и посылает для «увещаний» воинскую команду во главе с «православным» священником и каким-либо офицером, народ собирался в часовне, моленной или просто в огромной избе, натаскивали туда соломы, сена, хвороста, бересты, расставляли бочки со смолой, насыпали порох. Едва показывалась воинская команда, как все собирались в дом и заколачивали накрепко окна и двери. Начиналась общая молитва. Отряд высылал парламентаря для переговоров. Народ просил, чтобы их оставили в покое и ушли, что они новой церкви все равно признать не могут и грозились сжечься. Если отряд уходил, то люди расходились по домам и оставались в живых. Когда же войска начинали осаду и шли в атаку, то поднимались клубы дыма, пламя освещало все вокруг, раздавались крики и стоны горящих. В этот момент солдаты от жары отступали, никого не сумев спасти, и через некоторое время на месте пожарища оставались лишь обгоревшие кости десятков и сотен людей. Эта картина повторялась практически неизменно в различных частях России.

Наконец, духовенство господствующей церкви начало заставлять старообрядцев ежегодно у них исповедоваться

и причащаться и всеми мерами принуждало обращаться в свою веру. О не бывавших на исповеди священники были обязаны доносить в вышестоящие инстанции. Тогда народ, отстаивая свою веру, начал бросать свои родные места и все свое имущество, либо убегая в непроходимые леса, либо переселяясь за границу (в основном в Литву и Польшу).

Краткие царствования Екатерины I и Петра II не внесли ничего нового в борьбу за веру. В царствование же Анны Иоанновны (1730—1740) положение староверов еще более ухудшилось. И без того огромные налоги были удвоены и беспощадно выколачивались из народа. Началось повальное бегство староверов за границу. Однако правительство и там не оставляло староверов в покое. В 1735 г. по именному повелению Анны Иоанновны пять армейских полков под командованием полковника Я. Г. Сытина окружили Ветковские слободы (в Польше) и увели в Россию 14 000 человек, осуществив первую так называемую выгонку Ветки – одного из крупнейших духовных центров старообрядчества. Начальствовавший тогда на Ветке священноинок Иов был сослан в Иверский Валдайский монастырь, где и скончался. Погибли многие древние иконы и уникальное собрание книг Лаврентьевского монастыря. Однако через пять лет старообрядцы вновь густо населяют Ветку, строят сначала часовню, а затем новый большой храм. В скором времени здесь образовался и монастырь, в котором было до 1 200 иноков. (Вторая «выгонка» Ветки последовала уже при императри-

це Екатерине II в 1764 г., когда генерал-майор Маслов угнал на поселение в Сибирь почти 20 000 жителей.)

При императрице Елизавете Петровне (1741—1761), любившей всевозможные богомолья, количество духовенства необычайно возросло, и, вместе с тем, оно образовало новое замкнутое сословие, куда почти закрыт был доступ для представителей других сословий. Для борьбы со староверием появились и особые «миссионеры», принесшие немало зла. Само это слово, по свидетельствам современников, вызывало у староверов неопиcуемый ужас. Хотя в новое царствование никаких новых указов издано не было (кроме направленных против самосожжений), положение старообрядцев по-прежнему оставалось тяжелым и даже еще более ухудшилось из-за усиления крепостной зависимости. Продолжались самосожжения, продолжались побегы, главным образом, в Сибирь. При этом число старообрядцев не уменьшалось.

В царствования Петра III (1761—1762) и Екатерины II (1762—1796) правительственная политика меняется. Устрашенное неве-роятным упорством сжигающихся, правительство начинает отмену прежних жестоких гонений, не достигших намеченной цели. Это внесло некоторое облегчение в жизнь староверов, хотя свободы вероисповедания они все же не получили. Такие уступки старообрядчеству отчасти объясняются тем, что правительство в это время стало обращать больше внимания на внутреннюю экономическую жизнь государства и решило, в том числе, заселить бога-

тые, но пустынные окраины: Новороссию, Нижнее Поволжье и Сибирь. Для этой цели начали приглашать иностранных колонистов (в основном, немцев), предоставляя им значительные льготы. Вспомнили и про коренных русских людей – старообрядцев, разогнанных жестокими гонениями по всей России и загнанных за границу.

В законодательстве Екатерины II о свободе старообрядческого исповедания действовало два принципа. Во-первых, старообрядцы могли пользоваться полными гражданскими правами, каждый согласно своему сословному положению, но эти права были им дарованы как гражданам, а не как старообрядцам, без всякого отношения к вероисповеданию. Во-вторых, старообрядцы имели полную свободу отправления своих религиозных потребностей, но эта свобода не означала ни юридического признания старообрядчества, ни положительного или отрицательного к нему отношения, а имела чисто гражданское основание. Законодательство Екатерины еще не пользовалось понятиями старообрядческой общины или прихода, не регламентировало их прав и обязанностей.

По поводу церковных реформ XVII в. императрица высказывалась необычайно смело: «Никон внес разлад и разделение между народом и престолом; до него государи были отцами своего народа, самодержавными охранителями православных на любви и свободе, на единности престола с народом в верности веры отцов, в верности обрядов и обычаев предков, основателей отношений государей к их народу. Ни-

кон из Алексея царя-отца сделал тирана и истязателя своего народа... Народ стал видеть в своих царях антихристов, и мы его не виним: народ подлинно испытал на себе руку последних. И для чего все это? Для чего Алексей изменил своему народу, изменил еще недавнему, еще памяtnому избранию народом отца его в царя Российской земли, изменил общим обязанностям всех царей? Чтобы угодить другу своему Никону, чтобы покорить под ноги его и иерархов, и духовенство, и народ, и затем, чтобы из него и будущих патриархов создать врагов престолу и самодержавию. Удивляюсь царю Алексею, его недалёковидности: идет за Никоном, как провинившийся мальчишка за готовящимся его высечь учителем! Вот заслуга никоновской реформы пред престолом и самодержавием!»¹⁵

В то же время Екатерина разделяла старообрядцев на «хороших» и «плохих» в зависимости от их готовности к компромиссу. Она надеялась, что при помощи кнута и пряника удастся сделать то, чего не удалось добиться одним только кнутом: присоединить старообрядцев к господствующей церкви. Эту мысль она выразила в манифесте от 3 марта 1764 г., которым освободила старообрядцев от двойного налога. В то же время в манифесте были предусмотрены не только «кроткие» меры: «С потаенными же расколь-

¹⁵ Речь императрицы Екатерины Великой о старообрядчестве, сказанная на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 г. // Защита старообрядчества. М., 2003. С. 64.

никами поступать по всей строгости законов». Под «потаенными» имелись в виду те, кто отказывался иметь какое-либо общение с господствующей церковью, в то время как были и другие, которые готовы были идти в новообрядческий храм, лишь бы им разрешали креститься двуперстно. Этим последних манифест даже повелевал «не считать раскольниками».

Особое значение в истории старообрядчества приобрел манифест императрицы от 4 декабря 1762 г. о свободном возвращении «беглецов» на родину, в котором объявлялась «амнистия» за все прежние дела. Этим манифестом она открыла путь на родину огромной массе русских людей, бежавших за рубеж от преследования за религиозные убеждения. В манифесте говорилось: «Ея Императорского Величества указом всем живущим за границей российским раскольникам объявить, что им позволяется выходить и селиться особыми слободами не только в Сибири, на Барабинской степи и других порожних и отдаленных местах, но и в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях на порожних и выгодных землях, где полезнее можно быть». Всего для этой цели правительством было отведено 70 000 десятин земли. С этого времени начинается открытое заселение Поволжья и Иргиза старообрядцами.

Затем последовали и другие указы о льготах. Эти льготы и послабления были вызваны не одними экономическими причинами – в то время в Россию проникли новые вея-

ния с Запада. Там под влиянием новой философии уже давно прекратились гонения на веру. С другой стороны, на правительство подействовали и события внутри страны – крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачева (1773—1775). Пугачев, живший одно время среди старообрядцев в ветковских и стародубских слободах и сам являвшийся старообрядцем, в своих манифестах жаловал народ не только землей, но и «крестом и бороною», то есть свободой старой веры.

Именно в царствование Екатерины II были основаны два знаменитых духовных центра старообрядчества в Москве – Преображенское и Рогожское кладбища (1771), «на долгое время становящиеся митрополиями, получающие значение двух кремлей, объединяющих огромные массы старообрядцев»¹⁶. Один из этих кремлей – Рогожское кладбище – стал культурным и экономическим оплотом поповской половины старообрядчества. Другой кремль – Преображенское кладбище – превратился в культурный, экономический и религиозный оплот беспоповской половины старообрядчества.

Сменивший Екатерину II на императорском престоле Павел I (правил с 1796 по 1801) во многом продолжал внутреннюю политику своей матери, однако его действия порой отличались непредсказуемостью. При нем была введена строжайшая цензура, закрыты частные типографии, запрещен ввоз иностранных книг. Придерживаясь учения гос-

¹⁶ Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. М., 1995. С. 14—16.

подставяющей церкви, император, тем не менее, показал себя весьма либеральным в религиозных вопросах. Указом от 12 марта 1798 г. старообрядцам было разрешено строить церкви во всех епархиях, а 27 октября 1800 г. по соглашению с московским митрополитом это решение было распространено и на старую столицу. В царствование Павла I указом от 18 марта 1798 г. фактически была объявлена свобода вероисповедания. В то же время, за какое-то незначительное нарушение правил Павел I приказал полностью срыть все строения на Преображенском кладбище, и лишь его смерть помешала осуществить этот приказ.

На царствование Павла I приходится и учреждение так называемого единоверия. Под единоверием подразумевают особенную часть русской господствующей церкви, учрежденную в 1800 г. императорским указом по представлению московского митрополита Платона для тех старообрядцев, которые были согласны войти в подчинение Синоду, однако опасались оставить древние обряды. Единоверие было задумано наподобие западной православно-католической унии: при сохранении старого богослужебного чина и древних обычаев единоверцы обязывались принимать священство от господствующей церкви и поминать за литургией новообрядческий Синод, вполне ему подчиняясь. Сам термин «единоверие» был введен, чтобы подчеркнуть несамостоятельность, несамодостаточность общества старообрядцев, примкнувших к господствующей церкви. Сами единоверцы

не раз выражали свою неудовлетворенность тем «званием», которое было им присвоено, ссылаясь на его неопределенность. Дело даже дошло до того, что на Всероссийском съезде единоверцев, состоявшемся в 1912 г. в Петербурге, было принято решение о переименовании единоверцев в православных старообрядцев, но новое название так и не прижилось.

Официальному учреждению единоверия предшествовали следующие события: в 1784 г. с соизволения императрицы Екатерины II и по распоряжению «первенствующего члена Синода» митрополита Гавриила старообрядцам, жившим в Белорусской, Малороссийской и Новороссийской губерниях, «даровались» священники с дозволением служить по старым обрядам. 26 августа 1785 г. высочайшим повелением князю Потемкину было предписано назначить старообрядцам для поселения места между Днепром и Перекопом с тем, чтобы они получали священников от Таврического архиерея, но отправляли службу по старопечатным книгам.

Во второй половине XVIII в. старообрядческий инок Никодим, озабоченный восстановлением в старообрядчестве трехчинной иерархии, подал соответствующее прошение в Синод. Оно было представлено князю Потемкину, который подверг его критике, но заинтересовался им и решил соединить проект Никодима со своими планами заселения Новороссии старообрядцами. 19 июля 1796 г. члену Синода архиепископу Казанскому Амвросию было повелено «учи-

нить решение» о даровании Верхней Успенской старообрядческой обители иеромонаха на основании указа 1794 г. по прошению строителя обители монаха Сергия. В 1797 г. Нижегородский епископ Павел доложил Синоду о прошении старообрядцев Нижнего Новгорода и окрестностей (числом до 1 000 человек) о даровании им священника. На это прошение последовало «мнение» Синода о дозволении нижегородским старообрядцам иметь священников, служащих по старым обрядам, но рукоположенным от епархиального архиерея. Это мнение было высочайше утверждено указом от 12 марта 1798 г., при этом иметь таковых священников дозволялось старообрядцам и других епархий.

Однако данные распоряжения не достигали цели, поставленной властями, и были использованы старообрядцами просто как разрешение иметь своих священников, чего они и добивались. В 1799 г. прошение митрополиту Платону о дозволении иметь своих «законных» священников подали московские старообрядцы – прихожане Рогожского кладбища. Подавляющее большинство рогожцев строго осудило эту просьбу, и 21 человек из 75 подписавших сняли свою подпись. В дальнейшем это прошение было использовано для законодательного оформления единоверия на основании приложенного к прошению проекта, который вместе с «мнением» митрополита Платона составил «Правила единоверия» (высочайше утверждены Павлом I 27 октября 1800 г.). По этим правилам единоверие существовало до 1881 г., ко-

гда в них по определению Синода были внесены незначительные изменения. Эти правила включали в себя так называемые 16 пунктов, по которым происходило фактическое присоединение части старообрядцев к грекороссийской (новообрядческой) церкви, с которой не захотели соединяться их предки.

1.3. Русское старообрядчество в XIX веке

Либеральная политика Екатерины II и Павла I по отношению к старообрядцам продолжалась и в царствование Александра I (1801—1825). В циркулярном письме всем губернским начальникам от 19 августа 1820 г. задачи правительства в отношении старообрядчества формулировались следующим образом: «Раскольники не преследуются за мнения их секты, относящиеся до веры, и могут спокойно держаться сих мнений и исполнять принятые ими обряды, без всякого, впрочем, публичного оказательства учения и богослужения своей секты... ни под каким видом не должны они уклоняться от наблюдения общих правил благоустройства, законами определенных»¹⁷. Считая староверие сектантством, которое со временем должно быть полностью изжито, и называя послабления послепетровского времени «мнимыми правами» старообрядцев, правительство Александра I, тем не менее, не желало начинать новых гонений. В государственном законодательстве этого времени ярко выразился тот же принцип, по которому господствующая церковь решилась на учреждение единоверия — «терпимость без признания».

На практике же политика правительства выражалась

¹⁷ Цит. по: *Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество. С. 14.

в том, чтобы «не замечать» старообрядчества. Старообрядцы также не должны были лишней раз напоминать о своем существовании. Во избежание «оказательства раскола» они были лишены возможности ходить крестным ходом вокруг своих храмов даже на Пасху, а старообрядческие священники не имели возможности вне храма носить подобающую их сану одежду. Они могли собираться на общую молитву, но так, чтобы никто их не видел, могли содержать моленную, но так, чтобы по виду здания или по колокольному звону нельзя было определить, что это именно храм. Но несмотря на такое полулегальное положение, старообрядцы много строили: появлялись новые храмы и даже целые монастыри с многочисленными насельниками.

17 февраля 1812 г. правительство пытается перейти к более решительным действиям, издав распоряжение «О дозволении старообрядцам иметь священников, избираемых по согласию прихожан епархиальными архиереями, а не из попов иргизских монастырей, беглых духовных, опорочивших свое звание». Это «дозволение» было не чем иным, как попыткой насильственного обращения в единоверие всех поповцев. Правительство, по-видимому, готовясь внести коррективы в политику по отношению к старообрядчеству, решило оценить ее эффективность. В циркуляре от 18 июня оно потребовало от губернаторов негласно собирать сведения о численности старообрядцев в их губерниях и ежегодно представлять такие данные. Начавшаяся Отече-

ственная война 1812 г. отодвинула на десятилетие приведение в действие мер против старообрядцев, которые во время суровых военных испытаний показали многочисленные примеры самоотверженной любви к России.

В течение 1815—1816 гг. старообрядцы построили часовни с главами и колоколами в Чугуеве, Боровске, Фатеже, деревне Курловой Курской губернии, богаделенный дом с часовней в Саратове, женский монастырь с церковью под Саратовом. Правительство повелело оставить все эти и другие строения, только снять главы и колокола. В 1817—1825 гг. новая волна правительственных указов и распоряжений положила начало усилению мер по притеснению старообрядчества. Сначала появился указ, запрещающий строительство старообрядческих часовен, церквей, богаделенных домов и монастырей. Но, поскольку указ желаемого действия не возымел и строительство было продолжено, 26 марта 1822 г. правительство дополнительно издало распоряжение: «О тех раскольничьих церквях, которые давно построены, не входить ни в какое дальнейшее рассмотрение и оставлять их без разыскания... Вновь же строить не дозволять ни по какому случаю»¹⁸. В том же году при утверждении этого постановления император сделал следующую редакционную поправку: «Все раскольничьи церкви, молитвенные дома и часовни, построенные до 1817 года, оставить неприкосновенными без разыскания; вновь строить запрещено».

¹⁸ Там же. С. 15.

Если до этого времени не было разрешенных старообрядческих храмов, а были только «терпимые», то теперь уже появились и «указные», то есть дозволенные. Однако все храмы, построенные после 1817 г., были разрушены. В 1822 г. было также указано, что перешедшие до этого срока в старообрядчество беглые попы не преследуются за это.

С началом правления Николая I (1825—1855) уже были забыты все помыслы о реформах и воцарилась неудержимая реакция. Старообрядцы лишились всех льгот, предоставленных им прежними царями: они снова были лишены прав гражданства, почти окончательно лишены священства и возможности открыто совершать богослужение. Первый удар был направлен против старообрядческого священства: 10 мая 1827 г. комитет министров воспретил священникам совершать переезды из одного уезда в другой для исполнения треб. В случае пренебрежения запрещением велено было «поступать с ними, как с бродягами». На это постановление Николай I наложил резолюцию: «Весьма справедливо». Этой мерой планировалось принудить старообрядцев, надолго лишенных возможности религиозно устроить свою жизнь и даже смерть, обращаться в единоверие.

В том же году состоялось высочайшее определение о священниках Рогожского кладбища, чтобы «новых отнюдь не принимать». Данное распоряжение было потом распространено на все поповские приходы России. В 1836 г. это указание было с особенной силой подтверждено от-

носителем Иргизских монастырей, где преимущественно укрывались старообрядческие священники. Немногим ранее еще одно высочайшее повеление относительно Рогожского кладбища указывало: «Не позволять ни по какому случаю в Москве оставаться приезжающим из других мест так называемым раскольничьим или беглым попом, а еще менее допускать исправления ими треб и временное пребывание на Рогожском кладбище»¹⁹.

Вслед за этим появились указы и вообще относительно всей религиозной жизни старообрядчества, как поповцев, так и беспоповцев. Вновь принимаются законы, лишаящие староверов элементарных прав. С 1834 г. старообрядцам запрещено вести метрические книги (раньше выписки из них являлись юридическим документом и заменяли собой паспорт) – таким образом староверы оказывались вне закона. Не признавались старообрядческие браки, а дети староверов являлись по законам того времени незаконнорожденными. Они не имели прав ни на наследство, ни на фамилию отца.

Правительством для борьбы со старообрядчеством создавались различные «секретные совещательные комитеты» с центральным комитетом в Петербурге, занимавшиеся слежкой и контролировавшие жизнь староверских общин с целью их подавления и закрытия. Комитеты состояли из губернатора, архиерея, председателя государственных имуществ и жандармского офицера. Само существова-

¹⁹ Там же. С. 194.

ние подобных комитетов и их совещания должны были оставаться в тайне.

С каждым годом «стеснительные меры против старообрядцев» только увеличивались: моленные и часовни, построенные и украшенные старообрядцами, стали отбирать и передавать единоверцам. В 1835 г. был издан указ о разделении старообрядцев на: 1) *самых вредных*, куда были отнесены сектанты и старообрядцы, не признававшие браков и молитв за царя; 2) *вредных* – всех остальных беспоповцев и 3) *менее вредных* – поповцев.

Не только попов, но и видных мирян стали теперь без суда и следствия отправлять в ссылку и подвергать телесным наказаниям. Это касалось всех старообрядцев, в том числе и предпринимателей, начавших свои торговые обороты с самого издания екатерининской Жалованной грамоты городам (1785), людей, фабричная и торговая деятельность которых кормила и давала работу сотням тысяч подданных империи. Законы 1846—1847 гг. запрещали староверам приобретать недвижимость и землю, вступать в купеческие гильдии, быть избранными на общественные должности. Целые старообрядческие селения были отданы под полицейский надзор.

Однако пиком николаевского царствования явилось беспримерное по своему вандализму разорение старообрядческих духовных центров. В 1841 г. были разорены и переданы единоверцам Иргизские монастыри. В 1853 г. вышел закон об упразднении «противозаконных раскольнических

сборищ», в том числе скитов и монастырей, по которому были опечатаны алтари Рогожского кладбища, часть Преображенского монастыря была передана единоверцам, а Выговское общежительство вообще закрыто и разорено. Под правительственный контроль были взяты Волковская и Малоохтинская богадельни в Петербурге. Во исполнение новых «драконовских» законов «многие сотни молитвенных зданий были уничтожены; десятки тысяч икон, сего древнего достояния прадедов, были отобраны, огромную библиотеку можно составить из богослужебных и иных книг, взятых в часовнях и домах старообрядцев»²⁰. Хотя теперь за старую веру и не сжигали, как в XVII в., все же был случай, когда в землю зарыли живых, забитых до полусмерти староверов.

«Бог знает, – пишет историк, – до чего бы дошли эти гонения, если бы неудачная крымская кампания не заставила правительство сделать поворот во внутренней политике в сторону реформ»²¹

²⁰ Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для великого князя Константина Николаевича по поручению Ланского (1857) // Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае и Александре II, пополненные запискою Мельникова. Лейпциг, 1882. С. 81.

²¹ Макаров В. Е. Старообрядчество, его смысл и значение // Защита старообрядчества. М., 2003. С. 37.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.